

Ольга Шипилова
Пару слов о детстве

Деревенские рассказы

Ольга Шипилова

**Пару слов о детстве.
Деревенские рассказы**

«Издательские решения»

Шипилова О.

Пару слов о детстве. Деревенские рассказы / О. Шипилова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852596-4

Огромный мир глазами маленькой девочки, иногда наполненный счастьем, иногда грустью. Удивительное восприятие природы, трогательное отношение к старикам, смешные моменты детской жизни, красочные картины деревенского быта, обряды, великолепные природные пейзажи. Самые главные ценности, без которых невозможно духовно-нравственное становление человека. Книга предназначена для семейного чтения.

ISBN 978-5-44-852596-4

© Шипилова О.
© Издательские решения

Содержание

Дед	6
Дашка	8
Картошка	10
Мамино сердце	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Пару слов о детстве Деревенские рассказы

Ольга Шипилова

Фотограф Виктор Анатольевич Иванцов

© Ольга Шипилова, 2017

© Виктор Анатольевич Иванцов, фотографии, 2017

ISBN 978-5-4485-2596-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дед

Моя история началась 8-го апреля 1983 года в живописном месте на берегу Днепра. Ребенком я была спокойным, рассудительным и по-стариковски мудрым. Растили меня мама, бабушка и дед. Дед... Именно этот человек оказал на меня самое, что ни на есть, благостное впечатление. Будучи 76-летним стариком он заботился обо мне так, что спустя много лет после его ухода, я не могу вспоминать о нем без слез. Мой дед – моя самая большая и тяжелая потеря. Словно солнце, в лучах которого согревалось мое одинокое деревенское детство, погасло.

Дед... Мои первые воспоминания о нем, это те, когда ночью он носит меня на руках по кругу в деревянной деревенской хате, построенной им же самим сразу после войны. На его ногах валенки, на улице темно и морозно, а он носит меня и качает, вечно испуганную, вечно орущую и, по словам моей бабушки, вечно кем-то сглаженную. Носит и качает, носит и качает... И дрожит надо мной, как большая хищная птица над своими птенцами, и боится за меня, и бледнеет, и плачет. И от этих напуганных не по-стариковски синих глаз мне до хрипоты горько во рту, и жалко его, и больно о нем, и я реву, ору еще сильнее. А он все сильнее дрожит... Дрожит мой человек-дуб, мой родной дед.

И его сказка... Совсем одна, рассказанная мне сотни раз, но все такая же желанная и теперь, когда мне больше никто не рассказывает сказок. Сказка на все времена, я слышу ее часто во снах: «Иванко, сынок, плыви на бережок – вези рыбки челнок». Дед-фронтовик, который знал финскую, дошел до Берлина, был дважды ранен и, будучи настоящим героем, мотал сроки по лагерям за отца и клевету. Он не любил говорить о войне, он любил говорить о революции, о неоконченном первом классе, о надеждах, которых нет, и о рыбалке с малолетства для своего пропитания. Вот тогда-то, после таких рассказов, когда мне было 3, а ему 76, я точно решила, что стану рыбачкой. И это стало мечтой, мечтой и тайной на двоих, когда мы в четыре руки, в две большие и две маленькие, латали челноками старые дедовские сети.

Мой дед... Что я знала о нем? Знала, что до войны семья его была раскулачена. Мой прадед – отец деда, не выдержав потрясения, умер от сердечного приступа, и дед отбывал срок в лагере за своего отца, где на стройках Куйбышевской ГЭС заработал туберкулез легких. В 1943 году был призван в ряды Советской Армии, служил «пушечным мясом», как часто говаривал он. Дед был ранен дважды – в грудь и ногу. В груди осколок он унес с собой в могилу, а ногу ему оперировали. Когда он рассказывал об этой операции в военном госпитале, мне все виделась тогда, да и сейчас временами тоже, одна и та же картина, как дед мой лежит на операционном столе, а его отрезанная нога в кирзовом солдатском сапоге стоит рядом, и я все боюсь, как бы его, этот сапог, не сперли врачи.

Мой дед... Сколько воспоминаний о нем, что и не знаю, за что ухватиться. Чтобы помочь моей матери, возвращал меня, как мог, воспитывал, насколько доставало старческой силы. Баловал, холил до изнеможения. Ни в чем не знала я отказа. До безумия любила и я его. Как сейчас помню все наши игры, секретики, заговоры. И в своих воспоминаниях я все чешу и чешу его седую голову расческой, вяжу кружевные банты и целую в небритую щеку, а он дремлет и улыбается, пригревшись зимним вечером у печки, пока бабка моя доит корову Зорьку. А после бабушка, настоящий генерал, цедит парное молоко и наблюдает за нами, строго прищурив один глаз. И от этого ее ястребиного глаза ничто не ускользнет: «Что старое, что малое!» – скажет, как отрежет, и опять по делам, не приседавая ни на минутку.

Дед таскал за мной горшки, умывал, укладывал, раздевал и одевал. Будучи довольно безразличным к остальным детям, он с настырным усердием прятал печенье, конфеты и яблоки себе под подушку. А вечерами я сопела как мышь, жадно глотая дедовские «хованки», сидя на его кровати и болтая ногами. Совала деду в рот надкушенную конфету и целовала в колючую щеку, а он смотрел на меня с умилением, гладил по стриженной голове и улыбался.

Памятно мне и его последнее в жизни 9 мая. Надев свои ордена, ждал мой дед, когда за ним приедут и повезут на обещанное торжественное чествование ветеранов. Он все сидел на старом пне, смотрел на дорогу и ждал. И мне было жаль его, жаль его палку и пакетики в нагрудном кармане, в которые мечтал он сложить гостинцы для меня. Машина так и не пришла. Забытый и ненужный мой дед так и не узнал, что спустя два месяца после его смерти мы получили на его имя президентскую награду – медаль Жукова.

Последнее мое воспоминание о нем: я у зеркала, почти девушка, я вижу его в этом зеркале, он болен, лежит на кровати, но все так же, как тогда, когда я была еще совсем ребенком, струится мне в спину синева родных глаз, его улыбка. Оборачиваюсь, подхожу к нему близко-близко, жму сухонькую руку и прошу: «Ты только дождись меня, дед». А он все улыбается и не отпускает меня. Я, потупившись, смотрю на его такую родную руку, не могу отпустить ее тоже, боюсь, что вместе с ней потеряю что-то очень важное, без чего уже нельзя жить, боюсь, что потеряю вместе с этой рукой весь XX век.

Мой дед меня так и не дождался. Он умер через два дня после моего отъезда 24 февраля 1998 года. Он страдал перед смертью и крепко хватался за жизнь. Когда мне было 3, и казалось, что смерти не бывает, а деду 76, и казалось, что это бесконечно много, я его спросила: «Дед, а жизнь – это долго?» Он, подумав, тихо ответил: «Жизнь – это один день».

Нежно берегу я память о своем человеке-исполине, каких не родит больше земля наша, нежно кутаю дедовские ордена и медали, и часто стоя над родной могилой, про себя отмечаю, что у меня его руки.

Дашка

Девочка лет пяти юлой вертится у зеркала. Маленький деревенский взъерошенный галчонок в ярко-желтом платье с карманами. Карманы для деревенского ребенка жизненно необходимы – в них обязательно должны позвякивать речные камешки, стеклышки, ну, и конечно, в них должны находиться скомканные носовые платки на случай мокрого носа или обычного статуса взрослеющего человека. Этот взрослеющий человек пяти лет от роду – я, собираюсь в детский сад, свой первый в жизни, и ни какой-нибудь, а самый настоящий городской сад. Мама, улыбаясь, протягивает мне огромный букет цветов, я прижимаю его к своему платью, и мы выходим из дома навстречу неизвестности. Я волнуюсь? Не знаю. Крепко сжимаю мамину руку и боюсь стать казенной, как все в детском саду. Детский сад и детский дом для меня синонимы, и я по сто раз переспрашиваю маму, точно ли она заберет меня вечером. Мама говорит, что заберет, но я все равно беспокоюсь.

Поднимаемся по свежевыкрашенным ступеням казенного здания на второй этаж, я нервно щиплю игольчатые листочки цветов и сорю на пол. В дверях – воспитательница. Она улыбается маме и мне, и я вижу, что она добрая. Зовут ее Любовь Ильинична, и я в знак симпатии и дружелюбия тычу ей прямо в напудренный нос цветы, а про себя думаю: «Не предложить ли ей как символ моего глубочайшего уважения еще и свой чистый носовой платок?» Мама уходит на работу, я с горечью смотрю ей вслед. Любовь Ильинична берет меня за руку и осторожно, чтобы я не сорвалась на истошно-истеричный плач, вводит в группу. Там дети. Много детей. «Такие же казенные, как и я теперь», – печально думаю я и, насупившись, сжимаю выдавшие виды кулачки, чтобы, если что, врезать как следует. Дети бросают свои игрушки и с любопытством обступают меня кольцом. Мне страшно, я никогда в жизни не видела столько маленьких людей. Дети внимательно, даже скорее придирчиво, рассматривают меня и мое желтое платье с карманами. Каждый считает своим долгом потрогать его пальцем. Я в ужасе! Зачем они это делают? И вдруг все на разные голоса, от сиплого до удручающе писклявого, предлагают мне дружбу. Дружить с ними я не хочу, да и не умею. Вся мою короткую жизнь у меня был лишь один друг – мой дед. Но он взрослый и сильный, за ним всегда можно укрыться, он много знает, много видел. А они? На что мне они, эти галдящие на все голоса гномы? Не знаю почему (наверное, для того, чтобы от меня отстали), я начинаю рассказывать детям, как живет ребенок на селе, как нужно доить корову, сушить сено, удобрять землю навозом. Дети не знают, что такое навоз, но от моего рассказа приходят в неопикуемый восторг и еще больше хотят дружить со мной. Каждый во все горло орет: «Я! Я! Я!» Толкается, спорит с другими орущими и доказывает, почему больше остальных имеет прав на меня. Я смотрю на них, похолодев от страха. Но вдруг дети затихают и оглядываются. Я вижу девочку с двумя красными бантами в толстых волосах, она на голову выше всех остальных, в коротком, не по размеру для нее, платье. Эта девочка стремительно подходит ко мне, берет за руку и кричит рядом стоящему мальчику прямо в ухо: «Я буду с ней дружить!» Дети, осознав, что пререкаются с авторитетом бесполезно, тихо расходятся по своим углам. Так моя судьба в детском саду была предопределена.

Но вот воспитательница собирает всех на построение. «Строиться! Стро-о-о-иться!» – хлопая в ладоши, кричит она. Что такое «строиться» я не знаю. В деревне дед строил сарай из соснового бруса. Вкусно пахла стружка, интересно было трогать дедов лобзик и крутиться рядом. Но здесь ведь, наверное, что-то другое? Я стою как истукан и испуганно смотрю на воспитательницу. В это время та самая девочка с двумя бантами тянет меня за руку и ведет к суевающимся детям. Мы становимся в колонну парами. Наша с ней пара – вторая. Девочка с бантами придирчиво оценивает мой рост и, оттолкнув впереди стоящих ребят, ставит нас первыми. Обиженные ребята встают позади нас и блеющими голосами нараспев заводят: «Первые –

горелые, под тряпкой половой, вторые – золотые, под Ленинской звездой!» Я никогда раньше такого не слышала. «Какие они все-таки умные, эти казенные дети!» – думаю я, а девочка с бантами, соорив ехидный прищур, показывает им язык. «Меня Даша зовут, – говорит она, – а тебя?» «Да-а-а-ша», – пробую, смакую я ее имя. Оно мне нравится, как и сама девочка. И я чувствую нутром маленького взрослоющего человека, что она не просто Даша, она моя Дашка, надежная, такая, которая на всю жизнь, навсегда, другой такой никогда, никогда не будет. С ней можно везде и всюду, ни за что не оступится, не поскользнется твоя нога. Я смотрю на Дашку и улыбаюсь ей, улыбаюсь этой чужой родной девочке.

Мы везде и всегда таскались с Дашкой вместе, вместе лизали сосульки на детсадовском дворе, вместе маршировали, всегда стояли и сидели рядом. Дашка доедала за мной такие ненавистные котлеты по-киевски, водила меня в туалет и завязывала шнурки. Вместе мы торчали в своем саду до семи лет и вместе пошли в школу в один класс. Я считала, что хорошо учиться можно лишь сидя за последней партой, и мы вместе честно за этой самой последней партой получали свои первые пятерки. Всегда успевающие, ответственные и одинаковые во всем. Легко и приятно было идти в жизнь с таким чистым и светлым человеком как моя Большая Дашка, крепко держаться за надежную сильную руку и ничего не бояться. Когда окончили первый класс и осенью будущего учебного года мы всем школьным составом на целый месяц поехали в Одесский санаторий, именно Дашка нянчилась со мной как с младенцем. Я крепко плакала по маме, и все время скулила как щенок. Дашка плела мне косы, мыла голову и стирала мое белье. Дашка пускала на салфетках с пятого санаторского этажа голубиный помет прямо на головы одесситам, они смешно ругались, а мы хохотали. Дашка сидела со мной по ночам, когда меня мучили бессонницы, и заставляла есть в столовой.

Мы росли верные друг другу. Я всегда знала, точнее, была уверена, что Дашка никогда не предаст, не подведет, не обманет. Но шло время, и мы как-то неожиданно стали замечать, что у нас два совершенно разных склада ума: я – гуманитарий, Дашка – математик. Случались моменты, когда мы попросту не находили общих тем для разговора или спорили о вещах, о которых лучше молчать с другом. Спустя некоторое время мы оказались в разных классах, но все же в одной школе, и пока Дашка грызла свои интегралы, я зачитывалась Достоевским, влюблялась и снова зачитывалась Достоевским. Мы не заметили сами, как отдаляемся, мы пропустили что-то очень важное, что-то, о чем я жалею всю жизнь. Иногда мне казалось, что я раздражала Дашу своей инфантильностью, каким-то редким состоянием души, когда деревья большие и солнце желтое, когда все пахнет березовым соком, и чуть-чуть хочется плакать.

Дашка ушла из моей жизни так же стремительно, как и вошла в нее. Много лет я думала и гадала, где и когда я потеряла ее, что именно сломалось в нашей дружбе и почему она, эта самая дружба, вообще перестала быть. Даша ничего не оставила мне взамен, лишь пустоту. Много людей хороших и плохих встречались на моем пути, много друзей и врагов, но ни один из них не был похож на нее, не смог заменить Дашку. Мы живем разными жизнями, почему-то теперь такими не похожими друг на друга, наши пути ни разу не пересекались. Лишь однажды я встретила ее на улице, но моя Дашка прошла мимо, наверное, потому что нам стало больше не о чем говорить. Но часто я закрываю глаза, и стоит передо мной в своем коротеньком платьице с двумя красными бантами в толстых волосах девочка, которой у меня больше нет, но которую я так сильно любила. Стоит передо мной спутник моего безмятежного детства, родная, чужая – моя Дашка.

Картошка

Утро пятницы самое трепетное и волнительное для деревенского ребенка дошкольной поры. Потому что в пятницу из города в деревню возвращаются родители после своей рабочей пятидневки. Я – не исключение, просыпаюсь рано, в четыре, вместе со своим генералом – моей бабушкой, проношусь юлой по хате и юркаю из сеней прямо во двор. А на дворе лето и влажное утро, и сладко пахнут ранние яблоки на развесистых ветках. Срываю одно, оно совсем мокрое от утренней росы, кусаю жадно за пурпурный бочек, и ароматный сок брызжет во все стороны, тонкими струйками бежит по рукам. От яблока мне становится холодно, я бегу босиком по росной траве и что есть мочи во все горло ору: «Д-е-д!» А-а-а, вот он мой дед, носит сено коровам. Я хвостиком буду ходить за ним, и собирать потерянные раскиданные охапки. Вилы мне еще не доверяют, поэтому я растопыриваю пальцы грабельками и стараюсь, чтобы ни одна травинка не осталась одиноко лежать на земле. Это уж так у нас заведено. На подворье должен быть порядок везде и во всем – так приказывает наш генерал в юбке, а мы с ним спорить не беремся, потому что потом не открестишься. Но сегодня не простой день, это мое самое любимое время – моя пятница. Сегодня приедет та, которую я ждала целых пять дней, загибая пальцы на грязных руках. Приедет та, из-за которой в понедельник я учинила такой рев, что деду пришлось повесить мне новые качели, спустить котенка с сеновала и, запеленав его в одеяло, возить в коляске по деревне, а бабушке гоняться за нами, сгорая от стыда, и грозить веником, если я не успокоюсь. Сегодня приедет моя родная любимая мамочка – и я сразу же сделаюсь самым счастливым ребенком в деревне, а может быть, и на всем белом свете. Вечером я обязательно забегу к соседским детям и, привирая через слово, стану рассказывать им городские взрослые новости. (С этим привирательством у меня просто беда, но дед говорит, что я вовсе не вру, а сочиняю, а это, нужно отметить, две совершенно разные вещи). Потом, как ошалелая, буду бежать я домой, весело стучать голыми пятками по песчаной дороге, да так, что зазвенит в голове. Неумная, счастливая, возвращенная летом, дрожащая как пшеничный колосок от такого близкого и родного слова «мама».

Но от этого момента меня отделяет целый день, ведь мама приедет только вечером, да еще неизвестно во сколько. Наша деревенька небольшая, вернее совсем маленькая, молодежь вся разъехалась в город, остались лишь старики доживать свой одинокий век, хоронить друг друга, сторожить свои хаты и присматривать за привезенной из города ребятней. Окруженные могучим Днепром и синим лесом, робко выглядывают домики из своих густых, буйно цветущих палисадников, да окошки с резными ставенками всматриваются в пыльную дорогу и ждут, ждут, ждут. В деревню добраться совсем непросто, автобусы прямые к нам не ходят, паром или

катер тоже редкие гости. Но я знаю наверняка, мама приедет обязательно – она соскучилась по мне и по родителям за неделю. Генерал мой просит, чтобы мама не мучила так себя – дорога тяжелая и дальняя. А она все равно ездит каждые выходные. Старики в деревне утверждают, что она у нас больно «сердешная». А как по мне, то самый «сердешный» у нас дед – он любит мою маму больше жизни и, не веруя в бога, тайно кидает крестики на нее – для успешной дороги. Или бормочет себе в бороду: «Боже, Нинку защити». Когда мама была совсем маленькой, то почему-то все время падала и травмировала кости, это так сильно пугало деда, что он на всю жизнь сохранил болезненное беспокойство за нее. Выделяя Нинку среди остальных своих детей, он смотрел на нее с обожанием и даже в некоторой степени наделял ее святостью. А еще в деревне говорят, что мама у меня большой начальник и очень честный человек. Мне радостно слышать о ней такое. Я важно раздуваюсь и пыхчу как чайник, а дед смеется, тычет в меня какой-нибудь соломинкой и приговаривает: «Ну, ну, смотри не лопни».

Целый день я бегаю за дедом как заводная, радость и нетерпение растут во мне все сильнее с каждым часом. Я представляю, как буду мчаться, широко раскинув руки, навстречу маме, как с силой уткнувшись в ее теплый живот носом и больше никогда ее не отпущу. Но вот уже вечереет, радость моя сменяется беспокойством, понемногу я обмякаю и становлюсь похожей на тряпичную куклу. Понурился я слоняюсь, не находя чем себя занять, уныло наблюдаю, как наша корова Зорька безразлично жует сено. Дед с тихой грустью готовится залезть на сеновал, чтобы достать полосатого котенка, а бабушка готовит веник. Мне не весело и уже не страшно, не напугать тебе меня, мой генерал. Горькие слезы подступают к глазам, ком в горле и тошнота. Все чаще выхожу я на дорогу, которая змейкой виляет из стороны в сторону, вглядываюсь туда, где земля смыкается с небом, и безысходно опускаюсь на колени: «Что же она не едет? Господи, помоги!» Безутешные рыдания разрывают мое маленькое детское тельце, из-за слез я уже ничего не вижу, хватаю ртом воздух, но не могу вдохнуть, падаю лицом прямо в песок дороги и содрогаюсь от страха за маму.

Вдруг кто-то с опаской кладет мне руку на спину – это дед, он даже не пытается поднять меня с земли, а почему-то так вкрадчиво и со смехом в голосе говорит: «А хочешь, я тебя цыганке отдам?» Знаю я эту цыганку, это наш с дедом пароль! Я подхватываюсь с земли, тру глаза (ах, ненавистные слезы!) и смотрю туда, где дорога укрыта небом: «Мама... Ма-ма!» Я бегу ей навстречу, широко раскинув свои руки-мельницы, чувствую, как громко стучит мое сердце, и понимаю, что вся моя жизнь, мой этот странный день, мои рыдания на пыльной земле лишь для нее, лишь во имя нее. Мама бросает тяжелые сумки и подхватывает меня на руки. Мы плачем обе, и лишь потом, повернув назад свое опухшее от слез лицо, я замечаю, как в сторонке стоит мой дед и, любясь нами, тоже плачет.

Навстречу маме выходит бабушка, она сетует, как обычно, на паразита колорадского жука, который изгадил всю картошку, и спешит показать молодые клубни размером с хороший кулак, только что бережно выкопанные в честь маминого приезда. После, выложив все привезенные гостинцы на добротный деревенский стол, бабушка уводит маму показать свой нескончаемо огромный огород, и мама будет важно ходить вслед за нашим генералом, часто сгибаясь за полосатым жуком или травинкой. Бабушка ждала свою Нинку не меньше моего, она привезла из города суперсовременные химикаты от надоедливых жуков, которые перепортили весь наш второй хлеб, а это значит, что все бабушкины мучения наконец-то будут закончены. Впрочем, как и наши с дедом: бабушка всю неделю поедом нас ела из-за этих жуков, упрекала, что мы лишние раз согнуться ленимся, а картошечку, ой, как любим. Конечно, мы с дедом ее любим, все в нашей деревне любят картошку. Картошка – это целый культ, идол. Садят ее в деревне все без исключения и настолько много, что завершив сбор картофеля, становятся совершенно больными, некоторые не могут подняться всю зиму.

Когда совсем стемнеет, бабушка располагается в сенях и чистит картошку. Я наблюдаю, как тоненькая ленточка кожуры появляется из-под ее маленького ножа. Дед, низко све-

сив голову, сидит рядом с мамой на самодельной деревянной скамье и слушает, почесывая бороду, городские новости. В такой сумеречный час не слышен бег времени, неторопливо тикают ходики, сладко дремлет кот у маминых ног. Бабушка отправляется в кухню, слабо освещенную слеповатой лампочкой, и, поставив сковороду на огонь, готовит мое самое любимое блюдо – жареную картошку. Жарко скворчит сало на старенькой сковороде, вкусно пахнут пряные травы и перец. Мама разворачивает газетный кулечек и выкладывает на стол иваси. Мы начинаем праздник, которого я так ждала, в котором самый главный герой – моя мама. Я ни на секунду от нее не отхожу, целую руки, залезаю на колени, трогаю волосы и все время перебиваю своими житейскими историями, чем страшно злю бабушку. Она снова угрожает мне расправой, на что дед угрожает расправой уже ей. Мама, наблюдая за нами, залиvisto хохочет, а мне становится так счастливо, что хочется взять их всех таких родных в охапку и расцеловать. И чувствую я, как медовым бальзамом ползет по мне дрема, тяжелые ручонки отпускают мамину шею, и я засыпаю прямо у нее на коленях.

Утром в воскресенье мама уедет снова в город, который я начинаю тихо ненавидеть. До самого вечера я одиноко буду сидеть на дороге и вглядываться туда, где мамина фигура превратится в черную точку, а после и вовсе исчезнет. Снова я стану уговаривать себя, что неделя – это быстро, что я взрослая девочка, а ночью так и не усну от удушливых слез. В понедельник со мной приключится истерика. Бабушка сначала станет уговаривать меня конфетами, а потом начнет грозить веником, а дед, забросив все свои дела, приступит к строительству домика на старой яблоне. Мама уедет ровно на неделю, чтобы в пятницу вечером, преодолевая километры бездорожья на попутках, а после пешком, приехать ко мне лишь для того, чтобы мир мой снова приобрел краски жизни. Чтобы деловой наш генерал посетовал на картошку, которая плохо хранится и на банки с огурцами, что как назло, будь они неладны, повзрывались. Приедет, чтобы вся семья в сумеречный час собралась в сених, чтобы дед тихо свесил свою тяжелую седую голову на колени, чтобы неспешно тикали ходики на стене и весело на кухне под слеповатой лампочкой скворчала янтарная картошка.

Мамино сердце

Пятничным утром Нина проснулась с тяжелым сердцем. Досада и тоска по дочери, которая была очень далеко с Ниниными родителями в глухой, богом забытой деревеньке, смешались с чувством нескончаемого беспокойства и тихой нежной грусти о маленькой девочке. «Дочка просила мандарины», – подумала Нина. А сейчас сезон: мороз, снег, предновогодняя суета. Девочка им так обрадуется! И снова ее пухлые щечки станут пурпурно-красными от нескончаемого диатеза. Нина вспомнила, как она несла свою кроху в ясельки, как девочка всю дорогу плакала и боялась оторвать от нее свои маленькие ручки. Вспомнила, как безучастная нянечка с равнодушным видом тянула на себя кричащий комочек и зло ругалась по поводу плохого воспитания ребенка. А после воспитательницы, криво улыбаясь, в один голос уверяли Нину, что девочка заторможена, отстает в развитии, все время молчит и смотрит в одну точку. «Не ясельный ребенок! – констатировали врачи. – Пусть с ней побудут дедушка и бабушка, если не хотите сломать психику девочке!» Потом Нине припомнилось, как везла она дочь в глухую деревню к своим родителям, как улыбался отец, и ломала на себе руки мать. Дочка осталась, Нина уехала. Работа, круговорот дел и безысходность, горечь от невозможности все время быть рядом.

В этот день Нине предстояло решить очень много задач: отстояв в очередях, позаботиться о гостинцах, сложить, упаковать, ничего не упустить из вида. Да еще целую смену провозиться со своими подопечными – будущим страны, начинающими огранщиками алмазов. Задержавшись у огромного заводского окна, Нина наблюдала, как белый снежок, что тихо порошил всю ночь, сменился метелью. «Трудная будет дорога, – подумала Нина, – а ехать придется, не поехать нельзя». Вокруг туда-сюда сновали люди, что-то говорили друг другу, о чем-то спрашивали, радовались предстоящим выходным. И только она одна должна была преодолеть тяжелый путь, чтобы тоже стать счастливой. Ибо не в теплой квартире уютилось ее тихое семейное счастье, а за много километров отсюда, где широкий Днепр, скованный льдами, опоясал всю ее родную деревню, где над родительским домом, над самой крышей, должно быть, тихо стелется серый дымок, и где ждет ее маленькая дочь. В том, что дочка ждет, Нина даже не сомневалась. Еще полдень, а она уже, без сомнения, стоит увернутым кульком на заснеженной дороге и ждет. Ее щеки станут красными от мороза, снег заметет ее в сугроб, а она все равно будет стоять, сжимая в посиневших руках кусочек глины. Будет бубнить что-нибудь себе под нос, и вот уже из этого скромного кусочка родится замысловатая зверушка – подарок маме. А ночью разболются ее колени, мать станет растирать их отцовским «Шипром» и казнить сама себя, за то, что не увела ребенка с мороза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.